

ПСЕВДОНИМ КАК СРЕДСТВО ЭКСПРЕССИИ В ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКЕ 1920-х гг.

В статье рассматривается практика использования псевдонимов в полемических материалах литературно-художественных изданий 20-х годов XX в. Основное внимание уделяется экспрессивной составляющей выбора вымышленного имени, а также его восприятию оппонентами, которое выражается в языковой игре с псевдонимами литературных противников как одного из видов проявления речевой агрессии в ходе журналистских дискуссий.

Ключевые слова: псевдоним, полемика, экспрессия, оппонент, языковая игра, речевая агрессия.

Употребление псевдонима (вымышленного имени или фамилии, используемых для замены собственного политическими деятелями, писателями, актерами и др.) – явление нередкое в журналистике. При этом желание скрыть настоящее имя характерно не только для представителей оппозиционных изданий, т. е. не всегда объясняется боязнью политического преследования.

После установления в России советской власти и принятия декрета «О печати» от 27 октября (9 ноября) 1917 г. были закрыты все небольшевистские издания, следовательно, журналисты могли публиковать свои материалы только легально. «После Октябрьской революции большинство мотивов, побуждавших авторов пользоваться псевдонимами, отпало, – отмечается в редакционной статье к «Словарю псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова¹. – Тем не менее обычай заменять действительную авторскую подпись выдуманной не исчез. Мало того, он получил неожиданное, на первый взгляд, развитие».

Псевдонимы стали использоваться в основном как выразительное средство. «В псевдониме, кроме его основной утилитарной, практической составляющей, содержится и второй компонент, эмоционально насыщенный смысл которого не поддается арифметическим подсчетам и количественным оценкам», – пишет исследователь петербургского городского фольклора Н.А. Синдаловский².

Основные проблемы культуры, вызывавшие бурное обсуждение и споры в прессе 20-х годов XX в., – это роль искусства в жизни, приоритет вдохновения или социального заказа, отношение к буржуазному наследию. Ключевую роль в развернувшихся дискуссиях играли три журнала: «На посту» (орган группы пролетарских писателей «Октябрь», редактировавшийся Б.М. Волиным, Г. Левичем и С.А. Родовым), «ЛЕФ», объединивший футуристов под руководством В.В. Маяковского, и «Красная новь», где печатались так называемые попутчики, писатели, которые не вступили в коммунистическую партию, но приняли революцию. Главным редактором «Красной нови» был А.К. Воронский. Каждый из участников литературных баталий претендовал на место лидера пролетарской литературы и всячески демонстрировал лояльность к новой власти.

Практически во всех изданиях рассматриваемого периода можно обнаружить большое количество вымышленных имен. Активно пользовались псевдонимами писатели-«попутчики»: Артём Весёлый (Н.И. Кочкуров), И.Э. Бабель (И.М. Бобель), Б.А. Пильняк (Б.А. Вогау), В.В. Вересаев (В.В. Смидович), В.Г. Лидин (В.Г. Гомберг) и другие. Псевдонимами подписывались инициаторы создания журнала «Красная новь»: В.И. Ленин (В.И. Ульянов) и М. Горький (А.М. Пешков).

Стремление пользоваться псевдонимами можно объяснить не только обычаем, существовавшим у вышедших из подполья большевиков. По мнению Н.А. Синдаловского, использование псевдонимов – часть символистского наследия: «Основная художественная идея символизма сводилась к пониманию мира как знака, символа, “вещи в себе”, метафоры, не требующей дополнительной расшифровки. В рамки такого мировоззрения легко вписывался безошибочно найденный псевдоним. Андрей Белый выглядел точнее и логичнее, чем Борис Бугаев, а Максим Горький – убедительнее, чем Алексей Пешков»³.

Постоянные псевдонимы имели два главных редактора журнала «На посту». Борисом Михайловичем Волиным стал Иосиф Ефимович Фрадкин. Лабори Гилелевич Калмансон преобразовал в псевдоним собственное отчество и стал подписывать статьи «Г. Левич».

Иногда псевдоним был призван подчеркнуть связь личности литератора с содержанием его материала. Так, автор статьи «Деревня в современной литературе», опубликованной в № 1 журнала «На посту» 1923 г., выбрал псевдоним Деревенский, а автор очерка «Рабочая весна» (На посту. 1923. № 2–3) – Фабричный. Множество статей в журнале «На посту» подписано криптонимами: М. П., Р-ч., С.-Б., ЭЛЭМ., Гээл., Н.И. и другими.

При этом, несмотря на собственное пристрастие к вымышленным именам, в ходе полемики напостовцы часто обвиняли оппонентов именно в использовании псевдонимов, в «скромности» (очевидный эвфемизм «трусливости»): «<...> Только один из них, А. Воронский <...> выступил открыто. Другие два – Голкор из “Лефа” и Правдист из “Петроградской Правды” предпочли скромно скрыться за псевдонимами» (Там же. С. 14).

Другой упрек – в неудачном выборе, в данном случае слишком легкой узнаваемости псевдонима (презрительно названного «ключкой»):

«Впрочем, последние <псевдонимы. – Ю. Я.> достаточно прозрачны и не могут служить действительно ловкой маскировкой» (Там же).

«<...> Бывают кой у кого уши настолько длинные, что их не может скрыть даже *нахлобученная* на них ответственная кличка» (Там же. С. 38).

А между тем автору статьи «Критическая оглобля» (ЛЕФ. 1923. № 3), подписавшемуся «Голкор», нельзя отказать в остроумии, так как псевдоним был выбран в ответ на статью «А король-то гол» (На посту. 1923. № 1) и создан по аналогии с распространившейся в то время модой на подписи под журналистскими материалами «рабкор», «селькор», «военкор» и т. п.⁴ Очевидно, что цель сохранить инкогнито здесь не преследовалась.

В рассматриваемый период можно обнаружить (особенно в журнале «На посту») большое количество псевдонимов, указывающих на некоторую маргинальность их носителей. Среди них – Н. Изгоев (аллоним высланного из России в 1922 г. общественного деятеля А.С. Изгоева-Ланде), Макар Пасынок (И.И. Коган), Ф.Ф. Раскольников (активный участник ВАПП Ф.Ф. Ильин). К этой же категории можно отнести псевдоним высокоценного напостовцами Демьяна Бедного, которым пролетарский поэт заменил свою рискующую показаться «верноподданнической» фамилию Е.А. Придворов.

Псевдоним левовца Н.Ф. Насимовича – Чужак – вызывает иронию напостовца С.А. Родова. Он пишет слово «Чужак» то с

большой, то с маленькой буквы, желая подчеркнуть его семантику. Основанием для этого послужила опубликованная в «Известиях» статья Н.Ф. Чужака, в которой он полемизировал со своими соратниками по «ЛЕФу» по поводу повести О.М. Брика «Не попутчица». «Что ему, “чужаки” и “не чужаки”!» (С. 44); «Что бывает, когда в футуристическую голубятню заберется Чужак» (С. 51); «Никогда, наверное, и нигде Чужак не был большим чужаком, как именно в Лефе» (С. 51), – пишет редактор «На посту» (1923. № 1).

Как псевдоним, так и поведение Чужака настораживает и самих деятелей Левого фронта. Так, М. Левидов в № 1 «ЛЕФа» за 1923 г. предлагает поговорить «<...> о вас, Чужак – на сем пиру *госте случайном*, русском мыслителе с германскими приемами, *кунктаторе* Лефа». Прозвище Кунктатор напоминало о древнеримском полководце Квинте Фабии Максиме, уклонявшемся от решительного боя и предпочитавшем выжидать. Оно стало обозначением медлительного и нерешительного человека⁵ и, конечно, не могло служить для Чужака лестной характеристикой.

В гораздо меньшей степени игрой с псевдонимами увлечены авторы журнала «Красная новь». Здесь можно заметить лишь развитие образов, заимствованных у оппонентов. Так, Г. Якубовский (Красная новь. 1923. № 6 (16)) пишет: «<...> Эта программа очень простая и выражена она в статье тов. Авербаха коротеньким рецептом – поэтам надо “одемяниться” <...> Можно учиться у Демьяна Бедного, как мы все <...> учились у Салтыкова-Щедрина, но было бы очень *вредно для искусства*, если бы писатели ставили себе целью – “ощедриниться”» (С. 326). Если окказиональный глагол «одемяниться» имеет для напостовца Л.Л. Авербаха безусловно положительный смысл, то созданный по аналогии в «Красной нови» глагол «ощедриниться» означает процесс отрицательный, «вредный для искусства».

Н. Смирнов (Там же. 1924. № 3 (20)), характеризуя новую работу З.Н. Гиппиус, подчеркивает, что она подписана «старым псевдонимом Антона Крайнего» (С. 252). Указание на давний срок существования псевдоандронима поэтессы, видимо, должно было подчеркнуть и большой стаж литературной вражды с его носителем, резко отрицательно относившейся к новой власти и не раз подвергавшейся за это критике и насмешкам на страницах советских изданий.

Авторы журнала «ЛЕФ» не злоупотребляют использованием псевдонимов, зато проявляют большую изобретательность в обыгрывании подписей под статьями литературных противников. Нейтральные, на первый взгляд, псевдонимы журналистов газеты

«Правда» В.С. Попова (Дубовский) и В.В. Оболенского (Осинский) вместе с настоящей фамилией Л.С. Сосновского вдохновили левовцев на проявление речевой агрессии в адрес их носителей. «Кто в Леф, кто по дрова», – перефразирует «ЛЕФ» известную поговорку (ЛЕФ. 1923. № 3. С. 3) и делает сноску: «*Дубовые, сосновые, осиновые* и других *Родов*» («Родов» не случайно написано с большой буквы, так как С.А. Родов – один из редакторов и авторов полемических статей в журнале «На посту»). «Древесная» тема разрабатывается левовцами и дальше: «<...> С одной стороны *Сосновский*, с другой *Дубовский*, а если еще <...> *Осинского* припомнить, то останется только заявить, – воистину “за *деревьями* ЛЕФА не видно”» (С. 38).

Мишенью для речевой агрессии левовцев стал и псевдоним одного из журналистов газеты «Известия» Альфред. Известно резко отрицательное отношение главного редактора «Лефа» В.В. Маяковского к распространившейся в то время моде на присваивание себе иностранных имен (например, из стихотворения «Маруся отравилась» 1927 г.). Альфреду «припоминается» совпадение псевдонима с именем героя оперы Дж. Верди («Мы раньше думали, что Альфред романсы в Травиате поет, а он оказывается и против ЛЕФА выступает» (С. 34)), а также с именами французских литераторов: «Альфред безнадежно запутывается еще в двух альфредах: Альфреде де-Мюссе и Альфреде де-Виньи <...> гордый Альфред де Известий» (С. 35). Употребление имени Альфред как нарицательного во множественном числе («есть еще *альфреды* на земле»), а также иронического производного от него с суффиксом «-изм», традиционно служащего для обозначения некоего научного направления (*альфредизм* (С. 30)), видимо, должно подчеркнуть особую вредоносность идей данного автора.

Псевдонимы в виде прилагательных служат благодатным материалом для подбора к ним антонимов, использования разного рода инверсий, иронических ассоциаций и других форм проявления речевой агрессии:

«<...> Постараемся забыть о новом *Горьком*, который стал *слабодок* для буржуазных кругов Европы» (На посту. 1923. № 1. С. 89);

«Один, взяв Пушкина за ноги, пытается бить им ЛЕФ. Другой делает тоже, уцепив Демьяна. *Бедный Демьян!*» (ЛЕФ. 1923. № 3. С. 36);

«Символисты? Все они в общем *Белые*, хотя и не все *Андреи*» (Там же. С. 24);

«Третья лучшая часть переучивается после *розовых Белых* по нашим вещам и, верим, будет дальше шагать с нами» (Там же. С. 6).

Итак, использование псевдонимов в советских газетах и журналах 1920-х годов носило вполне регулярный характер. При этом

в условиях отсутствия в стране оппозиционных изданий подобная практика не была вызвана необходимостью ввести читателей в заблуждение относительно личности авторов статей из-за боязни подвергнуться политическим преследованиям. Скорее она объяснялась литературными традициями и модой, а также личными причинами, такими как неблагозвучие и «неэффектность» настоящей фамилии, заключающееся в ней нежелательное указание на национальную принадлежность ее носителя или неуместную в пролетарском государстве «аристократичность».

При выборе псевдонимов авторы руководствовались не только и даже не столько эстетическими соображениями, сколько семантической нагрузкой вымышленного имени. Однако эффект не всегда соответствовал ожидаемому. В ходе литературных дискуссий именно смысл и ассоциативное поле псевдонима часто становились объектом иронии и сарказма со стороны оппонентов.

Сам факт отсутствия под статьей настоящего имени автора расценивался противниками как проявление социальной трусости, а высмеивание псевдонима становилось средством оценки вкуса и фантазии его обладателя.

Речевая агрессия в адрес литературных противников – носителей псевдонимов – принимала различные формы. Среди них наиболее часты упреки в том, что псевдоним легкоузнаваем или слишком давно используется. Написание авторами дискуссионных статей псевдонимов оппонентов с маленькой буквы, перефразирование с их использованием известных пословиц и поговорок, создание на их основе окказионализмов и другие приемы языковой игры сделали псевдонимы заметным средством экспрессии в газетно-журнальной полемике 20-х годов XX в.

Примечания

- ¹ Масапов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 3 т. Т. 1 / [Ред. М.А. Годкевич и Б.П. Козьмин]. М.: Всесоюз. книж. палата, 1941. С. 15.
- ² Синдаловский Н.А. Псевдоним: легенды и мифы второго имени // Нева. 2011. № 2. С. 217.
- ³ Там же. С. 227.
- ⁴ Масапов И.Ф. Указ. соч. С. 15.
- ⁵ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл., 1938. Т. 2.